

**В. П. Казарин,
Л. А. Ширинская,
И. С. Батрак
(Симферополь)**

В. А. Жуковский в Крыму: в поисках второй родины

В 1837 году для наследника Николая I – будущего императора Александра II – было организовано многомесячное путешествие по России с тем, чтобы показать цесаревичу страну, которой ему предстояло править. Маршрут этого путешествия – «Путеуказатель» – разрабатывался под руководством воспитателя наследника – великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского, учителя национального гения России – А. С. Пушкина и организатора выкупа из крепостной неволи национального гения Украины – Т. Г. Шевченко. Кстати, именно воспитанный Жуковским русский царь Александр II в 1861 году отменит в России крепостное право и получит титул «Освободитель».

25 августа (6 сентября по н. ст.) 1837 года Василий Жуковский сопроводит наследника в город Вознесенск (Украина, Николаевская область) для участия в больших военных маневрах, на которые было собрано необыкновенное количество кавалерии и пехоты. Будущему Главнокомандующему страны этому тоже надо было учиться. Воспитатель цесаревича – человек сугубо гражданский. Ему это не интересно. Он передает ученика в руки императора, которого окружали многочисленные военачальники и иностранные гости, представлявшие в буквальном смысле слова всю Европу. Жуковский задумал в это время совсем другую поездку – он отправляется на целый месяц в Крым. К этому его побуждали две причины.

Первая была связана со смертью 29 января (10 февраля по н. ст.) 1837 года после ранения на дуэли его младшего друга А. С. Пушкина. Именно в Крыму в 1820 году молодой поэт задумает ряд произведений, включая поэму

«Бахчисарайский фонтан» и роман «Евгений Онегин», – которые принесут ему настоящую славу. В год смерти русского гения Жуковский решает посетить столь благодатную для Пушкина крымскую землю и совершить паломничество по местам, хранившим память о нем. Готовить эту поездку он, судя по всему, начинает через месяц-два после кончины поэта. Для этого в «Путеуказатель» им заблаговременно закладывается посещение царской семьей в сентябре 1837 года Крыма и Бахчисарая. Жуковский задумал провести в Крыму вечер памяти погибшего друга.

Но была и вторая – неявная – причина этого путешествия. Крым являлся живым воплощением традиций тюркской культуры – крымскотатарской и турецкой. Кстати, этими традициями были напитаны многие произведения и замыслы Александра Пушкина 1820 года. Достаточно вспомнить, что именно после Крыма великий русский поэт начнет работать над циклом «Подражания Корану», состоящим из девяти стихотворений, каждое из которых развивает тему одной из сур священной книги ислама.

Матерью Жуковского, как известно, была турчанка Сальха. После взятия русской армией города Бендеры в 1770 году её подобрали и отослали в Россию на воспитание богатому помещику Афанасию Бунину. По слухам, она была из гарема паши. Красивую девушку обучили русскому языку и крестили в православную веру под именем Елизаветы Дементьевны Турчаниновой. Именно она родит А. И. Бунину его единственного сына. От жены у помещика из 11 детей достигнут совершеннолетия только четыре дочери. В паспорте указаны приметы матери Жуковского: «Росту среднего, волосы на голове черные, лицом смугла, глаза карие» [1, с. 7]. У нее навсегда сохранилась привычка сидеть, поджав под себя ноги. Так ее и изобразит на своем рисунке поэт, получивший в подарок от матери карие глаза и черные как смоль вьющиеся волосы.

54-летний воспитатель царя отправился в Крым, чтобы встретиться на этой земле лицом к лицу с миром той культуры, из которой вышла Сальха. Он хотел хоть частично окунуться на полуострове в атмосферу неизвестной

ему второй родины. Мать о прошлом никогда ничего не рассказывала. Да, к ней хорошо относились в богатом имении, она даже станет домоправительницей, будет близкой подругой жены А. И. Бунина. Они и умрут в один год и месяц – в мае 1811-го. Но его, незаконнорожденного сына Сальхи, под чужой фамилией сделали дворянином. Он рос и воспитывался отдельно от своей матери, которая относилась к числу пусть привилегированных, но слуг. Душевной близости у сына с матерью появиться просто не могло. На могиле Сальхи в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря он поставит скромный камень с буквами «Е. Д.» [1, с. 117]. Тема их родства была для него болезненной и опасной, ее нельзя было публично касаться. Тем острее изнутри мучил поэта интерес к миру его матери.

Эта изначальная психологическая и социальная раздвоенность личности поэта даст позднее основание Борису Зайцеву в книге «Жуковский» назвать его первым интеллигентом российской литературы [4, с. 17].

Въехав в Крым, Жуковский жадно впитывает впечатления экзотического для него тюркского мира.

Уже после уездного города Перекопа – в Армянске – он фиксирует «домики формы восточной» и упоминает непривычных для петербургского жителя верблюдов. Чуть ниже опять: «Арбы азиатские. Верблюды» [2, с. 73]. Весьма характерно, что в Симферополе поэт добивается, чтобы ему был предоставлен «знающий татарский язык расторопный проводник». Он хочет иметь возможность прямого и беспрепятственного общения с крымскими татарами. По распоряжению генерал-губернатора М. С. Воронцова такого проводника он получил [3, с. 6].

Остановившись в селе Мамут-Султан (ныне Доброе) в доме Мемет-мурзы, Жуковский с особой тщательностью перечисляет, что было подано на стол: кофе, «пироги саурма берек», курабье (поэт тут же указывает рецепт: «пирожки из муки и меда»), каймак, «кебан борит» («на сковороде», «мед,

масло») [2, с. 74] . Никаких других кушаний, кроме крымскотатарских, поэт в своем дневнике не фиксирует.

Точно так же бытовые подробности встречаются только в описаниях крымскотатарских поселений и домов. Так, прибыв в Бюк-Ламбат (ныне поселок Малый Маяк), Жуковский отмечает: «Татарская хижина <...>. В гостиной дивные полотенцы. На очаге казанок, на полу пшено, в алькове рябина. Женская часть. Хаос корзин, тряпья, жестяных кувшинов, алькоран. Плоская кровля и трубы. Вид на Кастель. Вид на Партенит. Дом муллы» [2, с. 74].

Примечательно, что Жуковский всюду будет в обязательном порядке посещать дома мурзы или муллы. По прибытии в Коккозы (ныне Соколиное) поэт навещает владельца имения Мемет-бея Булгакова и записывает: «Обед у Мемет-мурзы; его сыновья Селамет, Газан и Шехан-бей. Обед из: шорбы (суп), бек-балык (форель), пилавы и сармы» [2, с. 75]. Есть ощущение, что поэта волнует сама мелодика крымскотатарских слов и имен. Он очень тщателен в их записи.

Упоминания в дневнике о крымскотатарском мире порой весьма кратки, но за ними скрывается постоянное стремление поэта понять этот мир в его существе. Так, приехав в Каралес (ныне село Залесное), он оставляет скупое, но весьма многозначительное замечание: «Татарская гостеприимность. Честность без всякого доброжелательства» [2, с. 76]. Поэт отмечает, что татарская гостеприимность распространяется не только на круг близких людей. Это принцип, который относится к каждому гостю.

9 сентября (21 по н. ст.) поздно вечером Жуковский прибывает в Бахчисарай и сразу отправляется осматривать Ханский дворец: «Дворец. Осмотр горниц ночью. Двор. Пушкина фонтан» [2, с. 75]. Это сделано явно под влиянием устных пушкинских рассказов о пребывании в Крыму. Как известно, молодой поэт осматривал дворец именно вечером после долгой дороги верхом на лошадях из Георгиевского монастыря.

10 сентября единственная бытовая этнографическая запись также связана с тюркской культурой: «Завтрак у караима. Пирог и варенье». Видимо, поэта угощали кубете (пироги с бараньим мясом) и вареньем из лепестков роз. В этот день в дневнике снова встречаем: «Фонтан Пушкина» [2, с. 75].

Наконец, 11 сентября в заполненный толпами народа Бахчисарай на задуманный и заблаговременно согласованный Жуковским с царской семьей праздник, который в итоге окажется литературным и поминальным, прибывают губернаторы, высокопоставленные чиновники, дворянские представители, богатые помещики и мурзы, военачальники и религиозные деятели. Особо отметим приезд гахана (гахама) крымских караимов Симы Бобовича, одеяние которого поэт описывает в деталях: белая чалма, «красный камзол, зеленое бархатное нижнее платье» [2, с. 76].

Именно Симе Бобовичу была поручена подготовка Ханского дворца к приезду в Бахчисарай царской семьи, что было знаком особого доверия, которым он пользовался у императора Николая I. Выполняя это поручение, гахан крымских караимов в апреле 1837 года поехал в Константинополь для покупки мебели и других предметов обустройства дворца. Он был удостоен особого внимания со стороны султана Махмуда II, по приказу которого Симе Бобовичу приготовили отдельную комнату в султанском дворце. Графу М. С. Воронцову Махмуд II отправил с гаханом в подарок несколько десятков золотых и серебряных рыбок из собственных прудов [5]. Если учесть, что вывоз из Османской Порты золотых и серебряных рыбок султана был запрещен под страхом казни, это был очень дорогой и значительный подарок.

Но вернемся в Бахчисарай. В два часа пополудни во дворец прибыли императрица Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна. Государь и наследник задержались в Севастополе и прибыть не смогли. В честь царственных гостей вечером были иллюминированы не только мечети, дома и дворы, но даже горы. Великая княжна появилась перед собравшимися в подаренном ей в Бахчисарае нарядном татарском платье. Немногословный

воспитатель наследника отметит и это. В Ханскую мечеть специально для высоких гостей были приглашены дервиши, которые совершили свой мистический обряд. Жуковский записывает в дневнике: «Дервиши в мечети. Поклоны. Лай. Кружение. Молитва» [2, с. 76]. Поэт точно передает свои впечатления от мистического обряда, который ему пришлось наблюдать. Дервиши, приглашенные в Бахчисарай, во время беспрестанного кружения «испускали грудной стон, который трудно изъяснить» [5].

Поздно вечером начинается поминовение Пушкина, поэма которого сделала Бахчисарайский дворец известным любому человеку в России. В дневнике следует краткая и выразительная запись: «Чтение “Бахчисарайского Фонтана”» [2, с. 76]. Жуковский устроил для императрицы и всех гостей чтение вслух поэмы своего великого ученика. Это была первая после смерти поэта публичная акция его чествования. Думается, что воспитатель цесаревича не случайно выбрал для поминовения своего молодого друга именно 11 сентября. Это был последний день пребывания Пушкина в Крыму в далеком 1820 году: 12-14 сентября он покинул Таврическую губернию, направляясь через Одессу в Кишинев.

Вечер в Бахчисарайском дворце был данью Василия Жуковского и погибшему гению, и тюркской культуре, взрастившей когда-то его мать Сальху.

Литература

1. Афанасьев В. В. Жуковский. – Москва: Молодая гвардия, 1986. – 399 с., ил. – (Серия «Жизнь замечательных людей»).
2. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 тт. / Редакционная коллегия А. С. Янушкевич (главный редактор) и др. – Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834-1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 768 с., ил.

3. Маркевич А. И. Н. В. Гоголь и В. А. Жуковский в Крыму // ИТУАК. – Симферополь. – 1902. – № 34. – 17 с. – (Отдельный оттиск).
4. Зайцев Б. К. Жуковский // Зайцев Б. К. Собрание сочинений. В 5 тт. Т. 5. – Москва: Русская книга, 1999. – С. 177-328.
5. Желтухина О. А. В. А. Жуковский в Бахчисарае: первый праздник поэзии А. С. Пушкина в России. – Рукопись.